

институтов. В «Истории Византийского государства» он с самого начала подчеркивает динамизм византийского общества²⁶ и последовательно показывает этот динамизм до самого конца книги. Признание Г. А. Острогорским «византийского динамизма», развития византийских учреждений во времени отличает его концепцию от господствующего в современной западноевропейской и американской византистике представления об империи как традиционном и практически не менявшемся на протяжении тысячелетия организме, все содержание истории которого сводилось лишь к сохранению античного наследия, что проявляло себя в области культуры как серия непрерывно следующих друг за другом «ренессансов» — от времен императора Констанция (337—361) до эпохи Палеологов.

Ранний, или, как его теперь называют, протовизантийский, период истории империи лежал, по сути дела, за пределами собственных интересов Г. А. Острогорского: это отчетливо проявляется уже в распределении материала между разделами его «Истории Византийского государства». Первый раздел, охватывающий время от 324 до 610 г., занимает чуть более 50 страниц, тогда как последний раздел, озаглавленный «Упадок и падение Византийской империи» и посвященный периоду между 1282 и 1453 гг., почти достигает 100 страниц. Он, таким образом, втрое более подробен (при пересчете на единицу времени) вопреки тому, что территориальные рамки и политический вес Византии XIV—XV вв. были несравнимо меньшими, нежели в протовизантийский период.

Ранний период византийской истории, по мысли Г. А. Острогорского, — лишь заключительный этап существования позднеантичного государства. Восточная Римская империя пережила тот кризис IV—V вв., который привел к гибели Западную²⁷, и Юстиниан I (527—565) был еще римским императором на константинопольском престоле²⁸. Коренной переворот Г. А. Острогорский датирует лишь первой половиной VII в. и связывает с царствованием императора Ираклия (610—641). Уже в самом начале своего творчества Г. А. Острогорский выступил против традиционных представлений о реформаторской деятельности императоров-иконоборцев VIII в. (см. выше, прим. 3). Чрезвычайно высоко оценивая деятельность В. Г. Васильевского, Г. А. Острогорский тем не менее писал, что его теории относительно реформ Льва III (717—741), казавшиеся в свое время неоспоримыми, оказались в конечном счете несостоятельными²⁹. Теории В. Г. Васильевского о реформах иконоборцев он противопоставил новую концепцию, согласно которой преобразование Византийской империи было осуществлено Ираклием и его ближайшими преемниками. «Помоему, нет никакого сомнения, — писал Г. А. Острогорский, — что значительное укрепление свободного крестьянства нужно связывать с реформами Ираклия»³⁰. С этим перемещением реформаторской роли со Льва III на Ираклия тесно был связан важный источниковедческий вопрос: по мнению В. Г. Васильевского и его последователей, «Земледельческий закон», памятник отчетливо фиксирующий существование свободного византийского крестьянства, живущего в условиях общинных порядков, был издан Львом III примерно в одно время с «Эклогой», — напротив, Г. А. Острогорский датировал «Земледельческий закон» временем Юстиниана II (685—695, 705—714), последнего представителя династии Ираклидов.

Два обстоятельства, полагает Г. А. Острогорский, обусловили переворот, осуществленный Ираклием. Первое из них — административные

²⁶ *Ostrogorsky G. Geschichte...* (3. Aufl.), S. 23.

²⁷ *Ostrogorsky G. Geschichte...*, S. 58.

²⁸ *Ibid.*, S. 65. Ср. также: *idem. Staat und Gesellschaft der frühbyzantinischen Zeit.* — In: *Historia mundi*, Bd. 4, S. 556—569.

²⁹ *Ostrogorsky G. В. Г. Васильевский как византолог и творец новейшей русской византологии.* — SK, 11, 1940, S. 232.

³⁰ *Ostrogorsky G. Über die vermeintliche Reformtätigkeit...*, S. 396.